

УДК 811.161.1:81'1

Структура коннотации в публицистических дискурсах английского и русского языков

Ратько М.А.

Учреждение образования «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка», Минск

Структура коннотативного значения включает в себя три основных компонента: эмоциональный, экспрессивный и оценочный. Эти компоненты по-разному представлены в каждой отдельной лексической единице, поэтому невозможно установить единые схемы соподчиненности и зависимости компонентов друг от друга. На материале публицистического дискурса английского и русского языков можно проследить, как варьируются и комбинируются между собой компоненты коннотативных лексико-семантических вариантов (ЛСВ).

Цель статьи — исследовать структуру коннотации на материале публицистических дискурсов и рассмотреть каждый компонент коннотации и его функционирование в тексте.

Материал и методы. Материалом исследования послужили публицистические тексты англо- и русскоязычных периодических изданий. Методологической основой данной работы явились научные труды ученых, занимавшихся проблемой коннотации и ее структуры.

Результаты и их обсуждение. В ходе исследования было установлено, что эмоциональный, экспрессивный и оценочный компоненты коннотации имеют свои особенности.

Эмоциональность присуща не всем коннотативным единицам. Среди лексических единиц, которые всегда обладают этим компонентом, выделяются эмоционально окрашенная лексика, ирония, аллегории, оксюмороны. Эмоционально окрашенные слова, как известно, содержат эмоциональный компонент не только в своем коннотативном, но и в денотативном значении, и это явление обычно не зависит от контекста.

Экспрессивный компонент является ведущим в структуре коннотативного значения. Экспрессивность призвана привлекать внимание читателя, усиливать значение слова или выражения, указывать на степень проявления того или иного признака. Любой коннотативный лексико-семантический вариант обладает экспрессивным компонентом независимо от того, включены ли в него эмоциональность и оценочность.

Эмоциональность и оценочность часто сопутствуют друг другу, однако оценочность присуща не всем эмоциональным коннотациям. Среди коннотативных лексико-семантических вариантов преобладает пейоративная оценка, что объясняется особенностью восприятия человеком окружающего мира.

Заключение. Каждый коннотативный лексико-семантический вариант обладает экспрессивностью, и большинство из них также содержат эмоциональный и оценочный компоненты. Умело оперируя словами и выражениями с эмоциональными коннотациями, авторы публицистических текстов могут добиться не менее сильных впечатлений у читателей, чем невербальными средствами выражения эмоций. Экспрессия придает слову или выражению образность и насыщенность и привлекает внимание, что и делает любая коннотация. Оценочный компонент коннотации позволяет автору одновременно выразить свое мнение и в какой-то степени навязать его читателю.

Ключевые слова: коннотация, коннотативный лексико-семантический вариант, структура коннотации, эмоциональность, экспрессивность, оценочность, публицистический текст.

(Ученые записки. — 2017. — Том 24. — С. 190—195)

Structure of Connotation in Journalist Discourses of the English and Russian Languages

Ratsko M.A.

Educational Establishment «Belarusian State Maxim Tank Pedagogical University», Minsk

The structure of connotative meaning includes three main components: emotional, expressive and evaluative. These components are represented in each lexical unit in various ways, and it is impossible to define the integrated schemes of collateral subordination and dependence of the components on each other. On the material of journalist discourse of the English and Russian languages it is possible to reveal the ways the components of connotative meanings vary and combine with each other.

Адрес для корреспонденции: e-mail: schwarzetulpe91@gmail.com — М.А. Ратько

The objective of the article is to study the structure of connotation on the material of journalist discourses and consider each component and its functioning in the text.

Material and methods. The material of the article is presented by journalist texts of English and Russian periodical editions. The methodological base of the paper is presented by the works of scholars who were studying the problems of connotation and its structure.

Findings and their discussion. During the research work it was ascertained that the emotional, expressive and evaluative components of connotation have their own features.

Emotionality is not inherent to all connotative units. Among the lexical units which always possess this component there are emotional lexicon, irony, allegory and oxymoron. Emotional lexicon contains the emotional component not only in their connotation, but also in their denotative meaning, and this phenomenon usually does not depend on the context.

The expressive component is the leading one within the structure of connotative meaning. Expressivity is called to attract the attention of a recipient, to emphasize the meaning of a word or a phrase, to highlight the degree of display of a certain sign. Any connotative meaning possesses the expressive component regardless possessing emotionality and evaluation.

Emotionality and evaluation often accompany each other, however, evaluation is not always inherent in emotional connotations. Among connotative meanings the pejorative evaluation prevails over the ameliorative, which can be explained by the peculiarities of human perception of the surrounding world.

Conclusion. Each connotative lexical-semantic variant possesses expressivity and the majority of them also contain emotional and evaluative components. Skillfully using words and phrases with emotional connotations authors of journalist texts can create strong readers' emotions which can be compared to those produced by non-verbal means of expressing emotions. Expressivity gives a word or a phrase imagery and saturation and attracts attention, which any connotation does. The evaluative component of connotation gives the author an opportunity to simultaneously express their opinion and to some degree impose it on the recipient.

Key words: connotation, connotative lexical-semantic variant, structure of connotation, emotionality, expressivity, evaluation, journalist text.

(Scientific notes. – 2017. – Vol. 24. – P. 190–195)

Как известно, структура коннотативного значения включает в себя три основных компонента: эмоциональный, экспрессивный и оценочный. Эти компоненты по-разному представлены в каждой отдельной лексической единице, поэтому невозможно установить единые схемы соподчиненности и зависимости компонентов друг от друга. Так как не каждая коннотация содержит в себе все три компонента, необходимо рассматривать каждую лексическую единицу в отдельности. На материале публицистического дискурса английского и русского языков можно проследить, как варьируются и комбинируются между собой компоненты коннотативных ЛСВ.

Цель статьи – исследовать структуру коннотации на материале публицистических дискурсов и рассмотреть каждый компонент коннотации и его функционирование в тексте.

Материал и методы. Материалом исследования послужили публицистические тексты англо- и русскоязычных периодических изданий. Методологической основой данной работы явились научные труды ученых, занимавшихся проблемой коннотации и ее структуры.

Результаты и их обсуждение. В ходе проведения исследования было выявлено, что коннотация включает в себя эмоциональный, экспрессивный и оценочный компоненты, которые по-разному функционируют в дискурсах. Такой компонент, как эмоциональность, неразрывно связан с двумя другими компонентами коннотации. Часто представляется невозможным ее отделение от экспрессивности и оценочности.

Вопрос эмоциональности находится на стыке психологии и лингвистики, так как слова и выражения, в коннотациях которых присутствует эмоциональный компонент, выражают эмоции автора или эмоции тех людей, о которых идет речь в тексте. Кроме того, эмоциональность позволяет передать эти эмоции и чувства реципиенту. Например, при прочтении публицистического текста мы вместе с автором можем чувствовать эмоции презрения («*A woman teacher was struck off yesterday after having sex with a teenage pupil she seduced with raunchy Facebook photos*»; «По их словам, она является наследницей **“кенийского подкидыша”**, которого до сих пор держат на плаву только расовая солидарность черных и цветных американцев»), восхищения («*Devon has been crowned one of the most beautiful places in the world by one of the world's reigning catwalk queens*»; «**Дарованная судьбой** роль моста между Европейским и Евразийским экономическим союзами обуславливает высокий транзитный потенциал страны»), удивления («*Even by the outrageous standards of North Korean propaganda chiefs, it was an unusually vulgar slur; a sharp escalation in the two week long war of words between Pyongyang and Washington*»; «Руководители **недоумевают**, почему российский газ, поставляемый в Беларусь по цене порядка 140 долларов за 1000 куб. м, продается предприятиям за 210–343 доллара за тысячу кубометров») и т.д.

Эмоциональность присуща не всем коннотативным единицам. Среди лексических единиц, которые всегда обладают этим компонентом,

выделяются эмоционально окрашенная лексика, ирония, аллегории, оксюмороны. Эмоционально окрашенные слова, как известно, содержат эмоциональный компонент не только в своем коннотативном, но и в денотативном значении, и это явление обычно не зависит от контекста. В определенных ситуациях по замыслу автора такие слова и выражения могут поменять мелиоративную коннотацию на пейоративную и наоборот, но эмоциональный компонент остается у них в любом случае. Например, слово *waste* 'растрата, расточительство, потеря' имеет в своем составе негативный оттенок сожаления, разочарования: «*Labour's policy to cut tuition fees by a third is "a stupid waste of money", Ed Davey, the Liberal Democrat Energy Secretary has said*». Подобное значение имеет слово *жалеть*: «*Посол обратил внимание на то, что количество предприятий с немецким капиталом в Беларуси не увеличивается, а при возможности почти половина опрошенных инвестировала бы в другую страну, то есть фактически **пожалела** о сделанном выборе*». Среди слов и выражений с положительными эмоциональными коннотациями можно выделить такие примеры, как *feat* 'подвиг' – эмоция восхищения («*It's an amazing feat he was able to keep himself alive this long with almost no equipment*»), *обнадежить* – эмоция надежды, ожидания чего-то лучшего («*Участников дискуссии **обнадежили** результаты прошедшего 19 апреля заседания Совмина, на котором энергетики поддержали инициативу не индексировать долги за энергию и дать предприятиям возможность вернуть их равными долями в этом году*»), *чудо* – эмоция приятного удивления («*Большой успех проекта во второй половине прошлого столетия (а то, чего удалось добиться в Западной Европе, было сродни настоящему **чуду**)*» проистекал именно из этой комбинации»). В некоторых случаях в одном и том же контексте авторы текстов используют антонимические эмоционально окрашенные слова, выражающие противоположные эмоции, в сочетании, чем еще сильнее привлекают внимание читателей. Например, слова *мечта* (эмоции радости, надежды, ожидания хороших событий) и *кошмар* (эмоции страха, неприязни, отвращения, досады), употребленные в одном предложении, образуют антитезу: «*Олимпиада – это **мечта**, которая превратилась в кошмар*», – говорит мэр.

Другое лексическое средство, обладающее эмоциональным компонентом, – это ирония. Она используется авторами намеренно для того, чтобы выразить насмешку, подшутить над человеком или ситуацией, причем в публицистических текстах это подшучивание, как правило, имеет пейоративный характер. В следующем примере перифраза, означающая бывшего президента

США Барака Обаму, выражена величественным и властным словом *властелин*, однако в контексте становится очевидно, что это слово имеет противоположный смысл, подкрепленный словосочетанием *беспомощное руководство*: «*...после восьми лет **беспомощного руководства темного властелина** друзья Вашингтона перестали доверять США, а враги перестали бояться Америку*».

Аллегории считаются разновидностью метафор, которые обладают более глубоким символическим смыслом. Чаще всего аллегориями обозначаются люди, обладающие теми или иными чертами характера, поведением, особенностями интеллекта, что позволяет сделать вывод о том, что аллегии в основном несут в себе эмоциональный подтекст: «*But inside every hunched commuter in the daily traffic jam who crawls meekly forward to the next red light, there is a shouting **ogre** out of Robert Graves, "wide-mouthed, long-yarded and great-bellied" – and Mr Clarkson is his spirit animal*» (*ogre* 'великан-людоед' – эмоции превосходства, свирепости, устрашения); «*Марио Драги и "голуби" в Управляющем совете ЕЦБ, а именно президенты центральных банков южноевропейских стран, кажется, считают, что они могут создать автомобиль со сломанным сцеплением, который будет двигаться, если сильнее надавить на газ. «**Ястребы**» в Управляющем совете ЕЦБ, такие как президент Бундесбанка Йенс Вайдман и президент Банка Нидерландов Клаас Нот, понимают безрассудство этого подхода, но они в меньшинстве*» (*голуби* – эмоции спокойствия, терпимости; *ястребы* – эмоции резкости, отрывистости, непокорности).

Оксюмороны в силу своей необычной смысловой структуры используются редко, но обязательно с намерением автора выразить какую-либо эмоцию, так как употребление двух слов с противоположными значениями в одной комбинации редко кого может оставить равнодушным. Выражение *мягко ужесточить* оставляет двойные эмоции у читателя: строгое требование подчинения, но в то же время мягкое, возможно, завуалированное («*США очень **мягко** "ужесточили" монетарную политику, тем не менее этот шаг затронул финансовые рынки всего мира*»).

Экспрессивный компонент, на наш взгляд, является ведущим в структуре коннотативного значения. Экспрессивность призвана привлекать внимание читателя, усиливать значение слова или выражения, указывать на степень проявления того или иного признака. Все коннотативные единицы, отобранные для анализа, отвечают этим требованиям. Многие лингвисты (В.И. Шаховский, В.В. Виноградов и др.) подчеркивают, что связь экспрессивности и эмоциональности настолько сильна, что практически невозможно выявить различия между ними. Поэтому су-

ществует общепринятое понятие «эмоционально-экспрессивные средства», то есть средства, обладающие одновременно эмоциональностью и экспрессивностью.

Однако, как уже было сказано выше, эмоциональность рассматривается нами как отдельная от экспрессивности характеристика. Как писал В.М. Мокиенко, любое проявление эмоциональности носит экспрессивный оттенок, но не каждая экспрессивная единица обладает эмоциональностью [1]. Так же считает и Т.А. Сысоева, утверждая, что «эмотивные средства языка всегда экспрессивны» [2, л. 28]. Вслед за этими авторами мы приписываем экспрессивный компонент всем коннотативным единицам, которые обладают эмоциональностью.

Кроме того, экспрессивными являются и все остальные отобранные для анализа единицы. Они могут не быть эмоциональными или оценочными, но при чтении публицистического текста сразу выделяются, так как придают описываемой ситуации значимость, усиливают и подчеркивают написанное.

Если при чтении текста можно более или менее явно видеть слова, которые обладают эмоциональными или оценочными коннотациями, то слова с экспрессивными коннотациями часто бывает не так просто определить. Наилучший и самый простой способ выявить экспрессивность слов и выражений – это подбор синонимов. Можно подобрать синонимический ряд, все элементы которого будут объединены одним денотативным значением, но коннотативные значения будут различаться. Например, стилистически нейтральное слово *horse* ‘лошадь’ может иметь следующие синонимы: поэтическое шутливое *steed* ‘конь’, разговорное *nag* ‘лошадь, кляча’, детское *gee-gee* ‘лошадка’ [3, с. 48]. Тот же вариант предлагает Н.Г. Комлев, подчеркивая, что коннотация не выражается эксплицитно, и «неявно выраженные в языке элементы семантического характера» могут выявляться благодаря сопоставлению слов, например, *муж – супруг, враг – недруг, конь – лошадь, луна – месяц* и т.д. [4, с. 108].

Пользуясь данным способом, приведем несколько примеров. В предложении «*While popular culture encourages gluttony, our bodies and wallets cannot keep pace with expectations*» мы находим олицетворение: ‘наши тела и кошельки не могут идти в ногу с ожиданиями’. Выражение *идти в ногу* характерно для живых существ, но употреблено по отношению к неодушевленным объектам для придания фразе экспрессивности. Можно подобрать несколько синонимов к словосочетанию *keep pace*, которые были бы более уместны для неодушевленных объектов: *accord with* ‘согласовываться’, *coincide* ‘совпадать’, *correspond to* ‘соответствовать’.

Теперь сделаем попытку заменить выражение одним из подобранных синонимов: «*While popular culture encourages gluttony, our bodies and wallets cannot correspond to expectations*». Как видно, экспрессивность утратилась, и фраза стала обыкновенной, без каких-либо коннотативных признаков. Так, можно сделать вывод о присутствии экспрессивности в данной коннотативной единице. Воспользуемся этим же способом для анализа другого образного средства – каламбура: «*В моде муралы, масштабные полотна, величина которых измеряется в тысячах квадратных метров. “Надомные” картины, созданные профессиональными художниками и с одобрения городских властей*». Слово *надомный* означает «находящийся или работающий на дому», то есть имеет совершенно другое значение, не подходящее к ситуации, однако употреблено в данном предложении в силу своей деривации от выражения *на дому*. Логичный же вариант звучит *на домах*. Сходство этих выражений позволило автору использовать игру слов для привлечения внимания читателя. Попробуем заменить коннотативную единицу логичным вариантом: «*В моде муралы, масштабные полотна, величина которых измеряется в тысячах квадратных метров. Картины на домах, созданные профессиональными художниками и с одобрения городских властей*». В данном дискурсе исчезает экспрессивный фон. Следует заметить, что, хотя выражения *на дому* и *на домах* не являются синонимичными, так как обладают разными денотативными значениями, в данном конкретном контексте мы можем считать их синонимами.

В лингвистической литературе существуют разные точки зрения на то, как отграничить оценочный компонент от эмоционального и экспрессивного. Некоторые ученые считают, что эмоциональность и оценка неразделимы, так как, вкладывая в слово эмоциональную коннотацию, человек выражает свое отношение к тому, о чем он говорит, а отношение само по себе предполагает оценку. Е.М. Вольф употребляет термины «эмотивность» и «оценка» в одном и том же значении [5, с. 37–38]. Но есть и иная точка зрения. В.И. Шаховский утверждает, что можно выразить эмоциональное суждение без оценки предмета, а только с аксиологической точки зрения, без вмешательства эмоций [6]. Мы вслед за В.И. Шаховским придерживаемся мнения, что не всем эмоциональным коннотативным единицам присущ оценочный компонент. Среди эмоций, кроме положительных и отрицательных, существуют также нейтральные (например, удивление, любопытство), которые в определенных контекстах могут приобретать положительный или отрицательный оттенки, но сами по себе

не несут оценки: «*The Ukip councilor who first revealed Nigel Farage's intention to run for a local parliamentary seat has been expelled from the party amid allegations that she made "jaw-dropping" comments in a television interview*» (эмоция удивления), «*Интересно, что спад в промышленности вице-премьер объяснил не только внешними факторами (обвал российского рубля и падение спроса на белорусскую продукцию в России), но и внутренними*» (эмоция интереса, любопытства).

Рассматривая оценочный компонент коннотации, мы берем за основу разделение оценки на мелиоративную, то есть «хорошую», и пейоративную, то есть «плохую». Е.М. Вольф указывает, что оценка на самом деле является гораздо более широким понятием и может даваться по разным признакам: истинность / неистинность, важность / неважность, рациональность / нерациональность и т.д., однако оппозиция «хорошо / плохо» предполагает высказывания о ценностях [5, с. 8].

Наибольшее количество коннотативных единиц с пейоративной оценкой наблюдается среди эпитетов, метафор, разговорной лексики и эмоционально окрашенной лексики. Подобный факт не вызывает удивления, так как именно эти языковые средства самые распространенные в публицистических текстах. Пейоративные эпитеты часто обладают и эмоциональным компонентом: *gruesome* 'отвратительный, страшный, ужасный', *catastrophic* 'катастрофический', *horribly* 'ужасно, страшно', *sinister* 'зловещий, страшный, мрачный'; *aggressive* 'агрессивный', *harsh* 'жесткий', *angry* 'яростный', *agonizing* 'мучительный'. Таким образом, они одновременно выражают и мнение автора о ситуации, и эмоции, которые эта ситуация вызывает: «*Things may have taken a more sinister turn this year, however, after police were called in over the death of an Irish Setter that competed at the show, after claims it was poisoned*»; «Неподъемно высокие долги надо погашать быстро и аккуратно, что позволит избежать **мучительно-го** затягивания». Такими же свойствами обладают и мелиоративные эпитеты, с той лишь разницей, что их в публицистических текстах обоих языков гораздо меньше: *warm* 'теплый, сердечный', *fascinating* 'обворожительный, очаровательный', *faithful* 'верный, преданный'; *impeccable* 'безупречный', *brilliant* 'яркий', *pleasant* 'приятный', *impressive* 'впечатляющий': «*The Office for National Statistics (ONS) will reveal the updated contents of the virtual shopping basket tomorrow. Looking back over the decades, it paints a fascinating picture of changing lifestyles*»; «Коллектив и учащиеся в этом учебном году уже получили один **приятный** подарок по случаю областных "Дажынак" – это капитальный ремонт здания и школьного бассейна».

Метафоры, в отличие от эпитетов, не так часто обнаруживают эмоциональный компонент вместе с оценочным. Среди пейоративных метафор

мы наблюдаем такие примеры, как *to mire in a legal nightmare* 'втянуть в юридический кошмар', «*a shopping list*» of Left-wing demands '«список покупок» требований партии левого крыла', *selfie* 'селфи': «*Many observers jumped to the conclusion that the murder beneath his Kremlin windows was Putin's perverse confessional "selfie"*». В русскоязычных публицистических текстах также немало пейоративных метафор: *тянуть потенциальный экономический рост вниз*, *вырваться из долговой ловушки*, *социальную инфраструктуру оставили за скобками*: «*Ранее предполагалось развивать еще и социальную инфраструктуру, на этот раз ее оставили за скобками: программа посвящена исключительно АПК и его инфраструктуре*». В зависимости от контекста одни и те же метафоры могут принимать как мелиоративную, так и пейоративную оценку: «*Humour is the best weapon against Isil's warped reality*» – употреблено в положительном значении, «*У монетарных властей в изобилии различное оружие, в их распоряжении бесперебойные поставки любых боеприпасов*» – употреблено в отрицательном значении.

Изобилие пейоративной лексики тоже объясняется «хроническим» пессимизмом, типичным для публицистических текстов. Эмоционально окрашенные слова и выражения – это широкий пласт лексики, в который входят и эпитеты. То есть с логической точки зрения эмоционально окрашенная лексика может быть приравнена к эпитетам, однако не относится к этой группе образных средств. Эпитеты – это красочные определения, выражаемые прилагательными, причастиями, наречиями. К эмоционально окрашенной лексике мы относим те слова и выражения, которые по причине своих морфологических признаков остаются за рамками эпитетов. Приведем несколько примеров пейоративной эмоционально окрашенной лексики: *monster* 'монстр, чудовище', *atrocious* 'жестокость, зверство', *to appall* 'ужасать, устрашать, приводить в ужас'; *unconcerned*, *nightmare*, *aggravate*: «*Small wonder, perhaps, that there were those this time last week who had shaken their heads and clucked in disapproval at the boastful monster this "biggest dog show in the world" has become*»; «*Это еще более усугубляет и без того тревожную картину*». Однако встречаются, хоть и в меньшем количестве, мелиоративные эмоционально окрашенные слова и выражения: *genius* 'гений', *paragon* 'образец, модель совершенства', *glory* 'великолепие, процветание'; *aroma*, *nostalgia*, *gratitude*: «*Written when O'Neill was in his 20s, these sometimes violent, passionate works show the undeniable genius of one of America's greatest dramatists*»; «*В этих местах будет воссоздана жизнь китайской глубинки, что наверняка вызовет ностальгию*».

у китайских туристов и позволит больше узнать о Поднебесной иностранным гостям».

Что же касается разговорной лексики, то такие слова и выражения практически всегда используются для выражения негативных эмоций и оценки. Где бы ни встречались разговорные слова — в публицистике, в художественной литературе, в повседневной речи, — в абсолютном большинстве случаев они имеют пейоративные коннотации. Вероятно, это связано с тем, что человек использует разговорную лексику именно в те моменты, когда испытывает сильные эмоции. Даже если эти эмоции положительные, людям свойственно употреблять разговорные слова (чаще всего междометия), обладающие пейоративной оценочностью: *черт! блин! обалдеть!* и т.д. Приведем несколько примеров пейоративной разговорной и неформальной лексики в публицистических текстах: *whinger* ‘нытик’, *peanut* ‘бесценок, гроши, мелочь’, *boneheaded* ‘глупый, непробиваемо тупой’, *наезд, разбазаривающий, понаехавшие*: «*The status quo is not working on such a shocking scale, it is an astonishing example of boneheaded prejudice flying in the face of all the evidence of what might be a better alternative*»; «*Хотя призыв выгнать понаехавших поляков из Британии публично не прозвучал ни разу, все отлично понимали, какую именно иммиграцию призывают ограничить агитаторы за Brexit*».

Заключение. Таким образом, каждый коннотативный лексико-семантический вариант обладает экспрессивностью, и большинство из них также содержат эмоциональный и оценочный компоненты. Умело оперируя словами и выражениями с эмоциональными коннотациями, ав-

торы публицистических текстов могут добиться не менее сильных впечатлений у читателей, чем невербальными средствами выражения эмоций. Экспрессия придает слову или выражению образность и насыщенность и привлекает внимание, что и делает любая коннотация. Оценочный компонент коннотации позволяет автору одновременно выразить свое мнение и в какой-то степени навязать его читателю.

Литература

1. Вставский, А.Н. Коннотативный компонент: проблемы интерпретации [Электронный ресурс] / А.Н. Вставский // Вестн. Омск. гос. пед. ун-та: электрон. науч. журнал. — 2016. — Режим доступа: <http://www.omsk.edu/article/vestnik-omgpu-29.pdf>. — Дата доступа: 09.03.2016.
2. Сысоева, Т.А. Языковые средства реализации стратегий воздействия в текстах малого объема (на материале англоязычной периодики): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Т.А. Сысоева; Мин. гос. лингв. ун-т. — Минск, 2007. — 147 л.
3. Арнольд, И.В. Лексикология современного английского языка: учебник для ин-тов и фактов иностр. яз. / И.В. Арнольд; на англ. яз. — 3-е изд. — М.: Высш. шк., 1986. — 276 с.
4. Комлев, Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова / Н.Г. Комлев. — Изд. 3-е, стереотип. — М.: КомКнига, 2006. — 192 с.
5. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. — Изд. 2-е, доп. — М.: Эдиториал УРСС, 2002. — 280 с.
6. Шаховский, В.И. Эмотивный компонент значения и методы его описания: учеб. пособие к спецкурсу / В.И. Шаховский. — Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. пед. ин-та, 1983. — 94 с.

Поступила в редакцию 20.12.2017 г.